

который являлся источником крестьянского благосостояния и первоочередным местом приложения труда непосредственных производителей. Указанные обозначения в описываемый период употреблялись без различия как при свободном держании, так и при зависимом. Когда же необходимо было подчеркнуть, что речь идет именно о зависимом держании, т. е. находящемся в ограниченном владении и тянущем к другому участку, предпочтительно употребляли термин *mansum* (*mansio*, *mansiuncula*, *massus*⁴⁶). Лица, сидевшие на мансах, назывались *manentes*⁴⁷. Название это носит расширительный характер. Нельзя сказать, что каждый манент—обязательно зависимый крестьянин. Но в то же время ни в одной грамоте Редонского картулярия мы не встречаем приложения слова *manens* к свободному аллодисту, еще не ставшему субфеодальным держателем. Очевидно, понятие *manentes* характеризует не только зависимое положение, но и некоторое переходное состояние людей. Такие лица могли быть полностью зависимыми; могли обладать частичной зависимостью по земле; могли, наконец, делать лишь первый шаг на пути к утрате свободы, втягиваясь в сферу действия вотчинной юрисдикции. Хотя это не только не исключает, а даже предполагает пребывание среди манентов и лично зависимых людей, самый термин *manentes* относится к несколько иной сфере отношений и указывает скорее на поземельное держательское право владельца манса — мансионария.

Особенностью документов о бретонских *massa* и *mansiones* является редкое употребление в них термина *pertinentia*, столь часто встречающегося в галльских и франкских источниках и обозначающего угодья и всякого рода мелкие участки при мансах. Они были неразрывно связаны с мансами, и поэтому при передаче прав на манс новым владельцам или при различных поземельных сделках меняли непосредственного собственника почти обязательно вместе с тем главным участком, к которому тянули и хозяином которого был этот собственник. В Бретани же *pertinentia* попадаются в редких случаях⁴⁸. По всей видимости, это объясняется значительной разбросанностью крестьянских наделов, а также отсутствием сильной чересполосицы, свойственной, в отличие от Бретани, франкским областям с системой так называемых «открытых полей». Поэтому переход земель из рук в руки, если только участок не делился на части, автоматически касался крестьянского надела в его совокупности как лежащего целиком либо почти целиком в одном месте. Если же сделка касалась части надела, то это оговаривалось с указанием на приблизительный размер либо стоимость данного отрезка или полосы земли (*petiola*)⁴⁹. Подобные отрезки попадались обычно при освоении под пашню новых площадей, ранее бывших лесом.

⁴⁶ CSR, p. 5—7, 11, 13, 22, 26, 33, 40, 129, 161, 165, 176, 177, 197, 199, 358, 359, 361, 371, 373 etc.

⁴⁷ Ibid., p. 2—7, 9, 10, 17, 21, 22, 29, 30, 39, 40—43, 53, 55, 58, 60, 61, 64, 82, 93—95, 97, 114, 126, 128, 129, 134, 137, 145, 150, 164, 168, 183, 193, 196, 209, 212, 214, 216, 218, 357—360, 363, 365, 367, 373.

⁴⁸ Ibid., p. 302 — чуть ли не единственный пример в грамотах Редонского картулярия. Чаще встречается в том же значении термин *appendicia*.

⁴⁹ Ibid., p. 71, 76, 84, 86, 94, 113, 149, 160, 167, 178, 179 etc.